

Бедные люди

Category: Kitarcsu

написано kitarcsu | 24 января, 2025

Бедные люди БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Пустынный берег. Ночь. Шум бури. Темнота.
Убога и ветха, но крепко заперта
Рыбачья хижина. В дрожащем полусвете
Рисуются вдоль стен развешанные сети.
От углей, тлеющих в высоком камельке,
Мелькает алый круг на сером потолке,
И отблеск кое-где играет красноватый
На бранных черепках посуды небогатой,
В березовом шкафу уставленной. За ним
Широкая кровать под пологом простым,
А дальше – на скамьях, покрытых тюфяками,
Спят дети малые. Их пятеро. Клубками
Свернулись, съжились. От бурных вьюг и стуж,
Казалось, скрыто тут гнездо бесперых душ.
Кто ж эта женщина? – Она в тени с тоскою,
Колени преклонив, поникла головою
На полускрытую завесами кровать
И тихо молится, – о, это, верно, мать!
Она одна, в слезах, в тревоге, в страхе, в горе,
А там – пред хижинкой – бушующее море.
Муж там, среди ярых волн. С младенчества моряк,
Он презирает всё – рев бури, ночи мрак.
Он должен и в грозу свои закинуть сети,
Он должен – потому что голодают дети;
Он должен с вечера, пока морской прилив
Благоприятствует, ладью свою спустив,
Четыре паруса как следует уставить,
А там – изволь один и действовать, и править!
Жена тогда чинит изорванную сеть,
Да между тем должна и за детьми смотреть,
И рыбный суп сварить, глотая дым и копоть,

И разное старье домашнее заштопать.

Плыви, рыбак! Трудись! Ищи среди валов
Местечка, где хорош бывает рыбный лов!
А место это как, вы б думали, пространно?
С большую комнату, притом — непостоянно:
Оно то там, то здесь, кругом же — океан!
Плыви! А тут и дождь, и холод, и туман, —
А волны вокруг ладьи и над ее краями,
Клубясь, вращаются зелеными змеями,
Он мыслит о жене, она его зовет
Среди своих молитв, — и, пущены вразлет,
Их мысли, как из гнезд поднявшиеся птицы,
Крест-накрест мечутся в пространстве без границы.

Вот жребий рыбака! А в этот самый час
Танцуют где-нибудь, — там бархат и атлас,
Цветы, гирлянды, блеск. А тут — во тьме беззвездной
Плавучая доска над разъяренной бездной
Да жалкий лоскуток дырявого холста,
На палку вздернутый: плыви! А тут — места,
Где смерть со всех сторон, и мели, и утесы!
А дома — хлеба нет, а дома — дети босы.
Там где-нибудь — пиры, там роскошь выше мер,
Мечты и замыслы, и мало ли химер, —
А тут одна мечта — вразрез напорам водным,
Добравшись к берегу холодным и голодным,
Взглянуть у пристани дню светлому в лицо,
Причалить, вдеть канат в железное кольцо
И лишь до вечера вкусить покой желанный
В семействе, близ своей хозяйки доброй — Жанны!
О Жанна бедная! Твой муж теперь один
Под бурей на море, средь бешеных пучин!
Один — в глухую ночь! Хоть бы подмога в сыне!
Да дети малы все, — так думаешь ты ныне,
А там, как взрослые поедут с ним, — поверь,
Ты скажешь: «Лучше б им быть малыми теперь!»

Она берет фонарь: «Пойду взгляну! Ведь вскоре
Вернуться должен муж. Не тише ль стало море?
Пора бы утру быть!» Пошла и смотрит, – нет!
Всё бурно. Дождь идет. В слезах стоит рассвет,
Рождающийся день, как бы боясь явиться,
Расплакался о том, что надобно родиться.

Та в трепете идет. Хоть где-б-нибудь окно
Мелькнуло огоньком! Кругом всё сплошь черно.
Дороги не видать. Вот, покривясь, горюет
Лачуга темная, сквозь щели ветер дует,
Раскачивая дверь, а крыша... Боже мой!
В ней еле держится отвагой лишь одной
Злой бурей взрытая изгнившая солома.
Ужель живущие там говорят: «Мы – дома»?

«Постой-ка! Дай зайду! – подумала она,
Мимоидущая. – Ведь там живет одна
Несчастливая. О ней говаривал со мною
Мой муж. Намедни он нашел ее больною.
Она вдова. Узнать, что, как она теперь!»
И с этой мыслию стучится Жанна в дверь.
Ответа не дает пустынное жилище.
«Больна!... А дети-то? Пожалуй, ведь без пищи!
Их двое. Без отца!» Она еще стучит:
«Эй, отоприте мне, соседка!» – Всё молчит.
«Впустите!» – Наконец неведомой судьбою
Дверь двинулась – и вход открылся сам собою.
И Жанна в дверь вошла, лучами фонаря
Жилище страждущей вдовицы озаря,
Где тот же крупный дождь, холодный, сверху на пол
Сквозь дыряя потолка, как через сито, капал, –
И что же? В глубине, в углу – ужасный вид! –
Пав навзничь, женщина недвижимая лежит
В лохмотьях, обуви нет на ногах бедняги,
В глазах – безжизненность стоячей, мутной влаги.
Домохозяйка-мать! Ужели это ты?

Ведь это труп? — Да, труп почившей нищеты.
Вот всё, что на земле от матери осталось!
Как перед смертью страданица металась,
Так и застыла тут. Рука, позеленев
И с войлока спустись, висит, окоченев, —
И пальцы скорчены, — и в немоте ужасной
Разомкнуты уста, отколь душа несчастной
Рванулась, испустив в предсмертный, страшный миг,
Последний, слышанный лишь вечностию крик,

Близ мертвой матери сном счастья упивались
Младенцы нежные и сладко улыбались —

Два — в общей люльке их. То были сын и дочь.

Мать, чувствуя уж смерть, старалась превозмочь
Еще сама себя: привстав, на них взглянула
И ножки им своей шубенкой обвернула,
А тельце — юбками, чтоб было им тепло,
Чтоб смертным холодом на них не понесло
От трупа матери, — ее покров пусть греет
Малюток и тогда, как труп охолодеет!

И как покоен сон согревшихся детей!
Тиха их колыбель. Казалось, спящих в ней
И Страшного суда звук трубный не разбудит.
Пусть судия придет! Ведь им суда не будет, —
Невинны! Незачем и пробуждаться им.

А дождь меж тем грозит потопом мировым.
Порою с потолка вдруг капля дождевая
Летит — и, на чело умершей упадая
И по щеке катясь, становится слезой.
А звонкая волна, под вихрем и грозой,
Бьет в берег и гудит, как колокол набатный.
Усопшая сквозь мрак и сон свой необъятный
Как будто слушает, что тени говорят,
Как будто хочется ей душу взять назад,

И, кажется, уста отверстые и очи
Недвижные – ведут беседу в бездне ночи:
Дыханье ваше где? – глаза устам твердят,
Уста ж в укор глазам: куда ваш делся взгляд?

Любите! Радуйтесь! Живите! Веселитесь!
Ликуйте на пирах! На бал в цветы рядитесь!
Как ни блестящ ручей – всё в темный океан
Ему назначен путь. Удел нам общий дан:
Забавам юности, всем песням, играм, шуткам,
Улыбке матери, любви ее к малюткам,
Лобзанью страстному двух пламенных особ –
Всему один конец: холодный, мрачный гроб!

Что ж Жанна, хижину умершей оставляя,
Несет теперь с собой, близ сердца укрывая?
Какая ноша тут? Что так трепещет грудь
У Жанны? Что она свой ускоряет путь?
Что значит этот взгляд, исполненный тревоги?
Зачем у ней дрожат, подкашиваясь, ноги?
Украла ль что-нибудь у мертвой? Неужель?
Она пришла домой и на свою постель
Ту ношу бережно, при первом утра блеске,
Сложила – и спешит задернуть занавески.

И села, бледная, у той постели. Страх
И внутренний укор во всех ее чертах,
К подушкам голова склонилась; в членах трепет,
И на устах ее дрожит несвязный лепет:

«А он-то? – Боже мой! – Еще забота! Вот!
И так в трудах всю ночь! Вон – море-то ревет!
А он еще всё там! – И что на ум мне вспало?
Своих ведь пятеро, – нет! Показалось – мало.
Что я наделала? Пусть он меня побьет!
Ох, надо, надо бить – и больно. Чу!.. Идет?..
Нет! Нету никого. Тем лучше. Что ответить?
Ох, страшно, страшно так теперь его мне встретить

Входящего!.. Нет! нет! Пусть он нейдет теперь!
А вот... мне кажется... нет! Ветер стукнул в дверь».

И вот — она сидит, поникла, еле дышит
И словно ничего не видит и не слышит.

Вдруг распахнулась дверь — и с парой добрых слов
Перед своей женой явился рыболов.
Глядел он весело, а за его плечами
С увлажненных сетей вода лилась ручьями.

И, вспрянув, будто вдруг от сна пробуждена,
С огнем любовницы так и впилась жена
Устами в грудь его — и жар ее привета
Прогрел ему сукно измокшего жилета:
«Моряк мой!» — «Твой моряк. Да вот — со мной беда!
Совсем ограблен я. Грабитель — ветер. Да.
А море — это лес. Все снасти поломались.
Рыбенки не привез: вот — сети изорвались.
Веревка лопнула, — и в лодку-то волна
Хватила было так... Да что ты так бледна?
Перепугалась? Вздор! О господи владыко!
Беда не велика. Поправимся! Скажи-ка:
Ну как ты без меня? Что делала?» — «Кто? Я?
Да так, как и всегда. Ведь мало ли шитья,
Вязанья? Между тем мне было страшно, — море
Шумело, выло так...» — «Ну что же? Эко горе!
Ведь нам не в первый раз». — «Да... кстати... я пошла
Проведать... Знаешь, что? Соседка умерла —
Та бедная вдова... Теперь осталось двое
Сироток... Мальчик-то... несчастье такое! —
Еще почти грудной, и девочка мала.
Бедняжки! Мать-то их ведь нищая была».

Задумался моряк и, скомкав словно тряпку,
Швырнул он под скамью свою морскую шапку,
Наморщась, почесал затылок и вздохнул.
«Эх, трудно, — говорит, — а то уж я смекнул,

Что сделать надобно. Да только... со своими
Едва справлялись мы. Тех пять, – а с семерыми
Как справиться? Легко ль вскормить да воспитать?
И так без ужина порой ложимся спать.
А впрочем... Божья власть! Его уж это дело!
У этой мелюзги, у мелочи незрелой,
Зачем он отнял мать? Ведь это – пыль да пух!
Тут думать нечего: возьмем и этих двух!
Ступай, жена, бери, покуда не проснулись!
При них ведь мертвая... Слышь: двери пошатнулись –
Покойница идет просить за них. Возьмем!
Пусть заодно растут все дети всемером!
Все, вместе с нашими, пусть будут сестры, братья!
Вкруг нас пусть ползают! Не сделаем изъятья!
Бог, верно, сжалится, даст больше рыбы нам,
Счастливей будет лов, вдвойне я буду сам
Трудиться... Что же ты так медлишь? Тратишь время?
Не сердись ли ты? Быть может, это бремя
Тебя пугает? А?»

А та ему: «Взгляни! –
Отдернув занавесь, сказала. – Вот они!»

Перевод В.Г.Бенедиктова